

Игорь Савельев

## КАМАРИЛЬЯ

— Алексей Иванович... Я женщина порочная, — сказала Гераскова глубоким грудным голосом и выдержала паузу.

У нее были такие глаза, как будто ленинградскую тушь никто не отменял, а также точеное пальто в пол из какой-то удивительно выделанной шерсти, такой, что даже малознакомые иногда подходили щупали. И этот их жест почти всегда был немного сомнамбулическим.

Генерал и бровью не повел, тоже ждал, хотя и мелькнула, кажется, тень смятенья. Ну, у его многочисленной свиты-то — понятно — вытянулись лица.

— Здесь у вас везде написано, что курить на территории санатория нельзя, — пояснила Гераскова, насладившись. — Я — женщина курящая. И я не понимаю, что мне делать.

Генерал сохранил все ту же невозмутимость, хотя и, кажется, мелькнула тень улыбки.

— Я думаю, ваш вопрос может быть решен в индивидуальном порядке, — ответил он, и торжественная часть на этом резко скомкалась.

Убежали национальные девушки, уплыл почти не надломленный хлеб-соль (минуту назад отдельные не слишком трезвые гости еще шутили про «Солонку спер — и не побрезговал»). Сворачивались телекамеры, и улетал квадрокоптер, жужжа: все вместе это призвано было свидетельствовать о мощи санатория «Заславское», государства в государстве, где был и телеканал (для обалдевших от ванн), и крепостной театр — вечером в честь высоких гостей обещали концерт, — и много что еще. Людмила в подготовительных беседах объясняла это, кажется, тем, что «Заславское» обязано снабжать работой три окрестных района, которые без здравницы-гиганта просто загнутся. И что иного не могли отдать генералу Рубежнову, легенде политики девяностых, сосланному командовать санаторием в качестве, что ли, почетной пенсии. Гераскова не очень вникала, она вообще до сегодняшнего дня понятия не имела ни о каком Рубежнове — ее в принципе

укачивала эта болтовня. Людмила присела на уши еще в автобусе, благо от города до «Заславского» было два часа езды. «Ну как же, как же, он же был секретарем Совбеза, неужели не помните», — напирала она, и Гераскова в ответ, слабо имитируя улыбку, уже не знала, что лучше. Сказать, что болит голова, отшутиться, что понятия не имеет, о чем там бормотали в новостях двадцать лет назад, или изобразить, что она вся такая — витает в поэтических эмпириях, не соприкасаясь с грешной землей.

Вообще, это было смешно. Гераскова ехала сюда как поэт, а принимали ее как литературную функционершу — внезапно. Ну да, в Питере она числилась какой-то там замзав союза писателей, но никому бы в голову не пришло вытащить именно это из обильной статьи в википедии — никому, кроме зверино-серьезных провинциалов. В городе ее посадили во главу стола на пресс-конференции, и она, как могла, вымучивала деревянные слова о диалоге культур, межрегиональных связях и о том, что — в добрый путь, фестиваль. Ты первая ласточка, обещающая здесь весну. В «Заславском», несмотря на полный автобус столичных гостей (многие посмеивались), главным образом, ей адресовались хлебы-соли, деревянная речь «легенды девяностых» и собственно адрес — красная папка весом в килограмм.

Но до этого предстояло еще проехать два часа по лесным красотам и прослушать пламенную Людмилу. Людмила была кем-то вроде координатора фестиваля и, видимо, здешней поэтессой: Гераскова ее почти не знала. Она вообще не понимала, чем обязана (и, может, прекратить уже вежливо кивать). Треть дороги Людмила рассказывала, как сложно было все устроить, убедить местные минкульты, РОНО и сельпо, что это так важно — поселить ведущих российских писателей в хорошей гостинице (как будто общагу, в которой их размещали в городе, можно назвать хорошей гостиницей), — и т. д. Вторую треть — о целебных воздухе, воде и грязях уникального курорта, причем попутно здесь выпрыдалась какая-то совсем уж не интересная Герасковой интрига (поданная едко и подробно), что какой-то местный классик обиделся, что его не позвали на фестиваль или не так позвали, и позвонил генералу как собрату по старой номенклатурной гвардии, и генерал за это отменил фестивалю то ли банкет, то ли фуршет во вверенном ему санатории; тут у Герасковой совсем разлилось у виска, и она вообще что-либо понимать. Третье касалось того, как молодежavo-бравый демократ-генерал был когда-то замечен Ельциным,

вытащен на Олимп, через считанные месяцы впал в немилость, потом еще побыл полупротестным губернатором, — не представляло уж совсем никакого интереса, но было густо пересыпано подробностями о женах, дочерях, рожденных в Майами внуках; наконец, любовницах.

Утомившись, но подковавшись, Гераскова держала ответную речь — на ветру и под квадрокоптерами, полную питерского иносказания, — и, как только камеры выключилась, картинно закурила длинную сигарету. Насколько позволял, опять же, ветер.

Людмила хотела что-то еще, но, по счастью, генеральская свита, захлопав крыльями, увела Гераскову в причитающийся ей люкс.

«Здесь вся вода — минеральная. Водопроводной нет. То есть вы включаете кран — это минералка, смываете в унитазе — минералка», — напутствовала ее коридорная, а на пути по корпусу их встретилось еще пять (и каждая норовила подхватить вещи) — видимо, с работой в этой глуши действительно туговато.

Раз пошла такая пьянка, Гераскова набрала полную ванну минералки, накрутила тюрбан, сделала три маски (привезенные с собой: местным радоновым грязям она все же не очень доверяла) и, конечно, торжественно курила во всех местах люкса. На правах большого начальства она позволила себе не пойти на круглые столы.

Людмила настигла ее на ужине.

— Какой мужчина!.. — зачаровано говорила она (как бы тихо, но в то же время и громко).

Люди начинали оглядываться и в конце концов находили взглядом бокал красного, почти непролазно черного вина, который Герасковой тут неожиданно налили. Судя по столам других, вина за казенным ужином никому больше не полагалось, хотя все тосковали по нему.

— Кого вы имеете в виду?

— Рубежнов!.. В годах, а какой орел, а какая седина?.. Вы помните это — «Пусть годы долгой, долгой чередой плывут над вашей благородной сединой»?.. Между прочим, Твардовский! Про Сталина!!!

Это становилось уже малоприличным, так что Гераскова кашлем пыталась дать понять, что ее следует оставить, но Людмила с широкой улыбкой идиотки подавала то салфетку, то зубочистку.

— Между прочим, участник антиельцинского заговора! — заговорила Людмила, перейдя на страшный шепот, отчего ее тем более стало слышно. — Вы что, не знаете? Вы что, не читали в прошлом году интервью Коржакова? Сенсационное!..

Гераскова чувствовала, что ее уносит в водоворот теней забытых — не предков, а параллельных существ, бенкендорфов и дубельтов позапрошлых эпох; все закручивалось, как в унитазе с минералкой. Но, как бывает во сне, когда мутно осознаешь, но не можешь пошевелиться или что-то там предпринять, — сейчас она могла только кашлять. Чем более и более привлекала общее внимание за томным ужином.

— Если бы Господь попустил тогда, то лихие девяностые закончились бы на несколько лет раньше, вы представляете, сколько жизней было бы спасено? — строго спрашивала Людмила, на «Господе» перекрестясь.

Гераскова спасалась если не вином, то узваром.

Из того, что стала с жаром нашептывать Людмила, переходя порой на цветаевский блаженный речитатив, было ясно, что некое интервью — откровения одного забытого отставника про другого, — стало для здешних уездов новым Евангелием. Оно вписало директора санатория в новый великий контекст. Людмила цитировала периодами, как бредила. Выходило, что отлучаемые от Кремля генералы пытались что-то сделать, спланировали четкий — в духе эпохи — переворот (который Людмила, конечно же, переворотом не считала), но что-то пошло не так. У кого-то раньше времени отобрали пропуск, кого-то, смех и грех, застрелила ревнивая жена. Все было одобreno миллионами лишних подробностей. К тому же — это смущало Гераскову больше всего, — к громкому шепоту явно прислушивались многочисленные подавальщицы, разносильщицы, узвароналивальщицы. Под мраморными сводами грандиозной столовой царила гнетущая тишина, усиленная, как ретрансляторами, странными штуками вроде национального герба, сложно плетеного из настенных тарелок разных размеров и поразному жатого бархата. Гераскова хотела как-то намекнуть — ответной поэтической строкой, — что в такие дни подслушивают стены, но это была бы такая безвкусица, такой оскорбительный для интеллигента контекст, что она смолчала. Опять. Молча, с лицом страдальницы, она приняла информацию до конца, сдержанно кивнула и уплыла к себе.

Всю ночь по всей территории орали перепившиеся писатели.

Приехав с ними в одном десанте, на фестивале — в городе и здесь — она отчаянно вдруг со всеми не совпадала, будучи отдельной, но разве не должен быть Отдельным поэт?.. Той ночью, когда весь фестиваль бухал по беседкам (потом говорили, что генерал крайне недоволен — ему обещали лауреатов премий и серьезных людей; его хунта полночи

следила за всеми нарушающими режим буквально из кустов), Гераскова младенчески спала — хотя и забыла все таблетки в Питере; проснулась она в шесть утра — вдруг. Еще толком не рассвело. Сходив поначалу до кулера, она вдруг остро захотела настоящий крепкий кофе. Пошла поискать, а затем погулять и так. И была вознаграждена.

Отчего-то подумав, что странное строение вроде индустриальной юрты вдали — кафе или вроде того, Гераскова двинула туда, но оказалось, что это то ли бювет, то ли мертвецкая; что-то закрытое и на отшибе. Архитектуре не стоило и удивляться, в те самые лихо ругаемые девяностые сюда будто инопланетяне прилетали — но немного все ж с уклоном в здешний национальный мотив. Обойдя причудливое здание, Гераскова оказалась на высоком склоне, и тут же из-за лесов — раз! — выстрелил пунцовый краешек солнца.

Все, нетронутое, озарилось так, как она никогда не видела, а если и видела, то на приветственной заставке компьютера.

Как глупо, что она вышла без всего: «мыльница» осталась в дорожной сумке, так ни разу и не извлеченная, а телефон, в который вроде должен быть встроен фотоаппарат, всегда болтался на шнурке на груди, но здесь и сейчас — его не было.

— Вам не спится? — еще издали крикнула Людмила (слава богу, хоть не подкралась), а уже у парапета трижды расцеловала ее.

Делить рассвет не хотелось. Гераскова засобиравалась было. Но да Людмила была не про рассвет.

— Вы видите фургоны?

— Что?

— Ну, посмотрите вниз.

Гераскова хотела отшутиться, что ровно так же — посмотрите вниз — кто-то кого-то сбросил с обрыва в какой-то классической книге, но даже этого контекста не хотелось.

Внизу были какие-то ангары, иссохшие разъезды, гаражи — неприятное открытие на фоне видов дикой природы; наверное, как раз здесь разливали минералку, потому что в позапрошлый раз Людмила вещала, что в «Заславском» аж три конкурирующих цеха.

— Это те самые фургоны.

— Простите, Людочка, я вообще не понимаю, о чем вы.

Решившись дать отпор, Гераскова тут же была посрамлена, как двоечница, не выучившая урок. Оказывается, в том же никому уже не нужном интервью говорилось, что для переворота генералы на-

купили автоприцепов, чтобы подвезти бойцов к Кремлю, но в итоге они так и остались где-то ржаветь, и, оказывается, ржавели здесь — во вверенной Рубежнову позже республике, а потом и санатории. «То-то отечественному производителю свезло, в те страшные годы все автозаводы были на боку!» — громко вещала Людмила, а Гераскова уже и не слушала, потому что заметила движение в лесу. И разглядела за деревьями фигуру, но, может, ей показалось. За ними шпионят даже здесь! — ей стало страшно и противно, — как в КНДР. Кое-как отбившись от спутницы, она почти бежала по озаряемым дорожкам, постоянно оглядывалась, а в голове стучало то «рушайло», то «бордюжа», что-то бессмысленное, но пугающее, как пра-знание... Но до самого корпуса она так никого и не встретила, если не считать осоловелого от пьянки N на скамейке. Гераскова холодно кивнула. В том самом 1998 году N отверг ее поэтическую подборку, да еще и с какой-то издевательской письменной характеристикой. Да. У нее были свои страшные годы.

Утренние семинары невнятно отменились (все были не в состоянии), и оставалось только собираться на автобус.

За двадцать минут до переключки постучали. Гераскова не сомневалась, что это очередная горничная в штатском — пересчитывать полотенца, открыла — и отпрянула. Перед нею стоял Рубежнов. Один и без охраны. (Хотя в коридоре, кажется, кто-то прятался.)

— Разрешите, — скорее сказал, чем спросил, генерал и шагнул вперед.

Да. Действительно. Еще вполне. Орел.

— Я бы предложила чаю, но кулер в коридоре, — сказала Гераскова глубоким грудным голосом, а перед этим была пауза в добрые три минуты.

Они молча рассматривали друг друга. Причем, он явно рассматривал кружева на ее комбинации, хотя подруги и шутили, что какая ж это комбинация, вполне прокатит за коктейльное платье, пусть и игривое, бери-бери, блеснешь.

Блеснула.

— Алексей Иванович, — трепетно напомнила Гераскова.

Он начал было протягивать ей пакет — казенный, с эмблемой санатория, — но что-то медлил.

— Давайте сядем, — предложила Гераскова.

Он помедлил еще минуту, прежде чем опуститься к ней на софу. И, кажется, придвинуться ближе.

Она почувствовала вдруг эту ноту уходящей природы — потому что сейчас-то даже самые брутальные, если они богаты и влиятельны, не мыслят себя без хорошего парфюма; очаровательные франты, очаровательные франты — минувших лет!

Гераскова летала. То есть ехала, потом летела, потом снова ехала, но так и не могла отделаться от этих прилипчивых строчек и, даже уже стоя в пробке на Лиговском, напевала: «Вы, чьи широкие шинели напоминали паруса, чьи шпоры весело звенели, и голоса, и голоса», — и таксист улыбался в зеркальце. А первое, что она сделала, войдя домой — в комнатку, которая в четыре раза меньше, чем был ее люкс в «Заславском», но зато 1910 года постройки и с головою льва под окном, хотя все в таком состоянии, что какое уж тут «зато»... Или это союзу писателей? Да хрен с союзом писателей. Ей!!! Она торжественно достала из пакета подарок, массивный национальный герб из десяти видов шпона и поставила рядом с фарфоровой женщиной-кошкой. Когда-то подаренной ей на 75-летие.

